

Акад. Р. Ю. Виппер

ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ВЕК РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Со времени политического господства христианской церкви историки привыкли рассматривать христианство как протест против античной культуры, который опрокинул все ее творения и поставил на ее место вполне ей чуждое мировоззрение и практику жизни.

Проводя все исследования и изображения идей и быта христианства с этой односторонней точки зрения, многие историки и богословы забыли о том простом и естественном факте, что христианство только в своем окончательном, вполне сложившемся виде принялось за отвержение и уничтожение античной культуры, а по своему началу было порождением той самой культурной среды, которую оно заклеямило потом именем тьмы язычества. Отвлекаясь от теологических условностей, историк должен помнить, что хотя христианство и возникло из соединения оппозиционных египетско-сирийских, иудейских, греко-римских течений, религиозно-философских и социально-моралистических, но во всяком случае оно было плодом коренных, глубоких явлений внутреннего развития в том самом обществе, которое оно потом, сложившись в самостоятельную силу, осудило как скопление сатанинских грехов.

Христианство представляло собой совершенно новую фазу религиозного развития. Однако оно вполне соответствовало политическому, экономическому и духовному уровню Римской империи. Именно потому оно и вытеснило все прочие религии античного мира. Христианство пропагандировало в народных массах новые идеи, создало новый тип религиозной идеологии и религиозной организации. Но элементы этого нового мировоззрения оно заимствовало из окружающей среды. В этом смысле христианство было не только отрицанием, но и продолжением, подражанием, заимствованием идей, философских и литературных форм и приемов предшествующей античной культуры.

Нет ничего более грубого и исторически неверного, как противопоставлять античность и христианство в виде тьмы и света, упадка и возрождения. Напомню только один факт, служащий опровержением этого устарелого и для нас непригодного взгляда. Современником авторов греческих новозаветных книг (посланий и евангелий) был великий римский юрист Гай, крупнейший из реформаторов римского права, завещавший потомству учение о *ius naturale* (естественном праве), прирожденном равенстве и свободе всех людей.

Для христианства это сопоставление может быть только почетным. Тогда становится понятным, в каком родстве с античностью находится

заявление автора послания к коринфянам (I кор.; 12, 13): «все мы одним духом крестились в одно тело, иудеи или эллины, рабы или свободные, и все напоены одним духом». Как и *ius naturale* римского права, эта религиозная формула, утверждающая равное достоинство всех людей, восходит к стоической философии. Нужно ли более ясное доказательство той простой истины, что Римское право (в его реформированном виде) и Новый завет принадлежат одному и тому же веку, одному и тому же обществу?

То и другое — последний, «осенний» цвет античности, немислимо более разъединять эти явления, необходимо рассматривать их в органической связи. В наше время, когда политическое господство церкви сломлено, когда христианство выступает перед лицом науки, как великая историческая категория, как предмет объективного; делового, технического исследования, мы, историки XX века, должны понять и оценить его как одно из важнейших и оригинальнейших явлений просветительного века Римской империи. Хронологически я определил бы этот век так: от Флавиев до Северов, с конца I столетия н. э. до начала III в., от эпохи великих иудейских восстаний до начала больших вторжений германцев.

I. Апогей рабовладельческого права

Нет ничего опаснее для исторического исследования, как применение в нем с первого же приступа больших сплошных историко-теоретических схем и выводов.

В данном случае дело идет о большой категории «рабовладельческого общества» конца античного мира. Мы ошибемся, если будем представлять быт и идеологию этого общества в состоянии неподвижности застоявшейся воды или окаменевшей глыбы.

Весь I век до н. э. и большую часть I в. н. э. можно обозначить, как время бурного развития рабовладельческих форм и рабовладельческой идеологии. В результате крупнейших завоевательных войн Рима, которые привели к основанию Римской империи, следовавших за ними еще более кровопролитных и разорительных гражданских войн, торговля рабами и рабский рынок разрослись непомерно. Никогда жизнь невольников, никогда каторжный труд не ценились так низко, никогда раб не стоил более дешево. И никогда не было такого презрения к трудовому люду, такой жестокой дисциплины в отношении невольников. Напомню только, что это эпоха составления знаменитых руководств Варрона и Колумеллы, из которых мы узнаем, что в хозяйстве существуют три вида орудий: немые (плуги, мотыки), полугласные (рабочий скот) и одаренные голосом (рабы); узнаем об устройстве эргастула, подземного, «здорового», по мнению Колумеллы, помещения для скованных рабов, служившего мастерской, спальней и лазаретом, где окна так высоко расположены, что до них нельзя достать рукой.

Очень характерно для эпохи обозначение состава колоссальных наследств богатейших сенаторов того времени: *villae, fenus, servi* — т. е. загородные усадьбы, денежные суммы для отдачи в рост и рабы. Количество рабов, их изобилие и разнообразие — вот показатель богатства, благополучия сильных мира сего. Но в то же время это — и проклятие жизни, источник вечной опасности для обладателей земного рая.

Тацит дал нам незабываемые по своему драматизму сцены из эпохи наибольшего подъема рабовладения, рассказавши под 62 г. о волнениях в Риме в связи с пытками и казнью 400 рабов, составлявших домашнюю челядь убитого в своем доме префекта (градоначальника) Рима, сенатора

Педания Секунда; с великим мастерством историк нарисовал нам положение рабовладельцев в речи высококонсервативного сенатора Кассия, оправдывающего террор в отношении рабов тем обстоятельством, что господа живут в вечной тревоге; окруженные толпами чужестранных рабов (по тогдашней терминологии — *pationes*); которые или вовсе не имеют религии, или исповедуют чуждые римлянам верования.

В рассказе Тацита необычайно ценны все детали; каждое слово. Нам важно узнать, что свободное плебейство Рима оказалось на стороне рабов, что столичная толпа осадила сенат с самыми угрожающими намерениями и что принцепсу (это был Нерон) пришлось вмешаться и послать своим коллегам по рабовладению военную помощь. Узнаем мы еще, что в сенате; при обсуждении вопроса о применении террористического закона было высказано мнение о смягчении его, отвергнутое большинством после пламенной речи Кассия.

Не трудно догадаться, что поборником этого мнения мог быть Сенека, бывший воспитатель молодого императора, находившийся тогда уже в немилости. Так, по крайней мере, приходится думать, судя по моралистическим трактатам Сенеки (особенно *de beneficiis*), по его письмам к Луцилию, где автор выхваляет простое и благодушное; даже дружеское отношение господина к рабам, беседы с ними, приглашение к своему столу и т. п. и где развивает то положение; что рабы ведь от природы такие же люди, что и господа.

II. Отношение к рабам по «Дидахе» и «Пастырю»

Совсем недалеко по времени от столичных событий 62 г. отстоит резкий памфлет великого иудейского восстания, известный нам из Апокалипсы (Энгельс приурочивает его к 69 г.), где призываются все громы небесные, все проклятия на зазнавшихся владык мира, на утопающих в богатстве торговцев и судовладельцев римских; где Рим называется великой блудницей вавилонской; где непобедимые легионы его зовутся сатанинским воинством, армией чудовищного зверя.

Эти образы, правда, созданы моментом исключительного ожесточения, как отголосок восстания против римлян, но документ исходит не от палестинских борцов, а от их единомышленников и единомышленников из Малой Азии. Он дает понятие о том, каковы были чувства и сознание обширных кругов обывателей восточных областей империи, захваченных силой римского оружия и римского ростовщического капитала.

Среди покоренной обывательской массы по культурности и интеллигентности первое место занимала старинная страна Нила с ее смешанным египетско-эфиопско-греко-иудейским населением. Каким-то чудом уцелели два документа из этой страны, которые теология запрятала в категорию послеапостольского века (так называемых «мужей апостольских»), но которые на самом деле восходят к самому раннему периоду христианства, представляют свидетельства морально-религиозной мысли передового иудейского сектантства. Это «Учение двенадцати апостолов» и «Пастырь» Гермы.

Первое — катехизис, общедоступный и популярный, особенно в замкнутой среде ремесленников, обучаемых и вдохновляемых переходными апостолами и пророками; второе — моралистический, религиозно-философский трактат для образованной публики в форме видений и притч, главная цель которого — подготовить людей к предстоящему суду божию в конце времен, воспитать к святой жизни будущих граждан божьего государства.

Сейчас приведу из этих двух произведений только мысли о рабах, обращении с рабами и социальной роли рабов для того, чтобы показать разницу в моральном сознании двух больших национальных и культурных групп.

Когда Сенека впервые открыл глаза своих вельможных коллег, представителей праздного великосветского слоя, на человеческое достоинство, таящееся в телах приниженной челяди, у него самого эти мысли явились как результат чтения на досуге, углубления в литературу более культурных, чем римляне, греков. В общинах ремесленных мастеров египетских те же мысли о равенстве рабов и свободных в моральном достоинстве вырастают из самой жизни: рабов тут сравнительно немного, они питаются и одеваются так же, как хозяева, в свою очередь пребывающие так же, как рабы, в непрерывной работе. Тут незачем тратить диалектическое искусство на доказательство тезиса о моральном равенстве людей; материальная обстановка давно внушила обывателю с детских лет эту простейшую истину: катехизис ставит домашних рабов на одну доску с детьми хозяина, напоминает, что у рабов и свободных один и тот же бог на небесах, что страх перед божеством должен быть не слепым ужасом, а благоговейным почтением к бесконечно милостивому покровителю всех людей одинаково.

Еще и еще раз нужно напомнить, что у Сенеки тема о моральном равенстве рабов со свободными есть предмет светской беседы где-нибудь в тенистом саду после хорошего обеда, тогда как в «Учении двенадцати апостолов» это—правило обихода в среде, где объявлена и строго проводится неукоснительная трудовая повинность, от которой не свободны даже духовные руководители общины, пророки и учителя.

В том же катехизисе встречаем мы необычайную по своей мотивировке формулу теснейшего содружества, идеального сообщества людей: «если вы—сотоварищи (συνχωῖνοι) в делах вечности, то насколько же больше должны вы быть таковыми в здешней жизни».

В другом египетском произведении—«Пастыре» Гермы мы встречаем единственную во всей религиозной литературе первых веков н. э. идеализацию рабского труда и возвеличение рабского звания. В центральной притче этой книги рассказано, как господь бог (в образе хозяина) поручает попечению раба виноградики (земную паству, или род человеческий), как, приведенный в восторг самоотверженным трудом раба, после совещания с сыном своим, решает освободить раба и сделать его своим наследником. По другой версии той же книги, усердный, весь отдавшийся своему тяжелому, глубоко плодотворному труду раб и есть не кто иной, как сам сын божий; ниспосланный на землю; спасает он род человеческий от одолевающих его пороков, похотей и грехов не кровавой жертвой (это идея более поздняя, вызванная кризисом восстания и социальной войны), а именно подвигом своего великодушного, исполненного бесконечной любви к людям труда.

Автор «Пастыря» заявляет себя вышедшим из рабского звания, вольноотпущенным богатой госпожи, образ которой он возносит до небес на манер обращения Данте к Беатриче. Достигнув свободы, он не только не забыл своих старых товарищей по судьбе, но он изобразил рабский труд как моральную основу мироздания.

Вот социально-идеологические контрасты середины I в. н. э. К двум противоположным сторонам неприложимы традиционные обозначения «язычество» и «христианство». Христианства в эту пору еще нет, есть секты, есть разбросанные общины, есть мечтания и надежды, но далеко нет ни организации, ни догматов.

Противоположность тут—между властным Римом и подчиненным Востоком и еще—между идеологией господствующих привилегированных

классов и мировоззрением обывателей, отодвинутых от водоворота общественной жизни, от борьбы честолюбий, — массы обремененных работой простолюдинов.

III. Разоружение. Кружки, товарищества

Контраст становится понятным, если принять во внимание характер и условия образования Римской империи.

Самым наглядным и решающим явлением римского завоевания была демилитаризация населения, превратившая граждан в обывателей. Никто из подданных Рима не смел ни носить оружие, ни хранить его, ни пользоваться им. Трудно в достаточной мере оценить все физические, моральные и социальные последствия разоружения. Росли поколения хилые и слабые; спорт, связанный в старину с подготовкой к военной службе, пришел в упадок. Вялость, пассивность стали как бы нормой жизни. У молодежи исчез задор, но вместе с тем потерялось чувство чести; не мужество, а смирение было возведено в добродетель: отсюда недалеко было до проповеди прощения врагам и претерпения обид. Сократились случаи и формы проявления энергии, стало скучно. Завидовали беспокойным предкам, которые хотя и на шумели много, но зато много пережили, перечувствовали; вспоминая славные дела прошлого, люди сознавали свое бессилие. Наступил век созерцателей, мечтателей, меланхоликов и юродивых.

Разоружению вполне отвечало истребление политики. Никакие сходки, собрания, публичные дебаты не допускались более. Государственные дела, войны с другими народами, посольства и другие сношения с посторонним миром не должны были касаться обывателей; им предоставлялось копошиться в своей узко-профессиональной и домашней жизни.

Общество силой вещей стало отделяться от государства, широкая общественность была запрещена, но социальный инстинкт, потребность общения нашли себе другой выход: люди стали группироваться в кружки, содружества, товарищества по профессиям, по соседству, по интеллектуальным склонностям, по религиозным исканиям и обрядностям.

Кружковой жизни античности, описанию во всех деталях греческих *ἑταῖροι*, *θίασοι*, римских *collegia* посвящено немало ученых работ, но все они рассматривают этот сюжет как материал антикварной витрины, в порядке обозрения «древностей» наряду с портиками, термами, акведуками. А между тем ведь кружки, товарищества, замкнутые общины составляли самую существенную долю социального и культурного быта эпохи. Тут крылась вся неофициальная, религиозная жизнь; тут неслышно, раздробленно, но неувержимо и могущественно пробивалось сектантство, из которого выросла вселенская церковь.

Разоружение, отстранение от политики, уход обывателей в замкнутую общинность — все это были толчки и побуждения к развитию религиозной жизни; религия вступила на опустевшее место, которое образовалось от принудительного сокращения военной, политической, публично-правовой, спортивной — так или иначе актуальной — жизни; вместо деятельности — созерцание, вместо забот о здешнем, нынешнем — мечты о будущем, желанном, немирском, бестелесном. Товарищеское общение (по-гречески *κοινωνία*) и религиозная практика незаметно и тесно сплетаются друг с другом в одно целое. Какова бы ни была классовая или профессиональная основа товарищества — будь это кружок плотников, виноградарей, ткачей, портных, певцов, артистов — в нем с самого начала заключался религиозный элемент; у товарищей, названных братьев (*κοινωνοί, ἀδελφοί*)

был свой божественный патрон, отличный от официальных богов, — один из второстепенных богов, полубог или герой (Дионис, Асклепий, Орфей, Геракл, Гермес-пастырь); все они чтили обычай вечерних братских трапез, скреплявших содружество, носивших характер священного обряда, принятие в свою среду новых членов происходило при соблюдении религиозной символики.

Религиозная община уже готова в такой койнонии; ей остается только в дальнейшей эволюции принять имя еkkлeсии, которое, впрочем, есть не что иное, как традиционное название старинных народных собраний (мы переводим «ekkлeсия» как «церковь», хотя словесно церковь идет от *κρηαή* «молеельня», «часовня») — и относится к внешнему помещению, где собирались для поминовения по умершим сочленам общины).

IV. Кризис конца I в., реформы II в., новая религия

В I в. еще нет христианства как системы вероучения и общецерковной организации; нет еще легенд о Христе и апостоле Павле, которые возникают во II в. в образованных литературных кругах и составляют предмет искусственного мифотворчества. Но в I в. уже обозначились те две великие группировки, те две противоположные социально-исторические категории, которые столкнутся потом как враждебные друг другу силы под названием «языческого государства» и «христианской церкви», одна — правящая и оберегающая интересы привилегированных классов, и другая — материально пока бессильная оппозиция, руководители которой слышат «святыми» вестниками божьими (апостолами и пророками) и обещают массам, что после великого суда божия, после истребления нечестивых наступит новая жизнь, где первые будут последними, а последние станут первыми.

Эти два мира не остаются неподвижными. В том и другом происходит своя эволюция. Начиная с династии Флавиев и особенно при династии Антонинов, имперская власть вступает на путь реформ; слабеет римское высокомерие, чванство и ростовщическая жадность, распространяется право римского гражданства, и утрачиваются черты старой римской национальности; происходит сближение центра с провинциями, к администрации привлекаются местные силы. Правительство проникается филантропическими идеями (напомню алиментарные учреждения, увековеченные Панегириком Плиния). Императорский двор сближается с передовой интеллигенцией, применяет культурных деятелей, философов, писателей в администрации: Тацит, Светоний, Плиний, Арриан, Лукиан занимают служебные посты по управлению; Дион Хрисостом, лучший лектор конца I и начала II в., начертавший в *Ворустhenica* (Приднепровье уже тогда было известно в античной литературе) идеальный образ «натурального человека», преследуемый при Домициане, действует при Траяне в качестве как бы педагога общественной морали, поощряемого высшей властью проповедника филантропии. В виде могущественного орудия просвещенной монархии вырастает ученая школа юристов, вырабатывающая реформу права. В университетах Нового времени их систематические работы, их сборники законов и комментарии к ним, их ученые руководства изучались как «римское право вообще». Историк античности особенно ценен в сочинениях Гая, Ульпиана и других деятелей II и III вв. реформаторский порыв, философский гений. Это были преобразователи, создатели моральной основы права, своего рода проповедники общественной морали. Для иллюстрации этой их роли достаточно привести титул I Институций, оза-

главленный «De iustitia et iure»: «Iuris praecepta sunt haec: honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere». Эта формула современна Нагорной проповеди и ее заповедям. Вот превосходный случай для сравнения двух моралей: античной, так наз. «языческой», и раннехристианской.

В лице императоров Антонина Пия и Марка Аврелия (138—180) мы встречаем представителей просвещенного абсолютизма, которые хотят быть наставниками общественной морали, сознают себя обязанными руководить духовной жизнью народа. Антонин Пий своей религиозной политикой напоминает индийского царя Ашоку (III в. до н. э.). У него стремление возродить старину, вдохновить народные массы примерами древней доблести ярко выразилось в замечательной системе монетной чеканки, полной исторической символики. Поразительны также его указы по охране рабов, представляющие собою достижение крайнего предела филантропии при сохранении принципа рабовладения.

Одновременно с этими прогрессивными движениями в верхах, в правительственной, чиновной, придворной великосветской и провинциально-аристократической среде, происходят крупнейшие перемены в оппозиционных кругах в широких народных массах, в среде отодвинутых от политики народностей, в среде плебейства и близкого к нему невольничества.

Восток кипит и волнуется, далеко не замирный после побед Помпея, Цезаря, Антония и Августа. Особенно непокойны семитические народности — иудеи, сирийцы, арабы.

С первых десятилетий I в. н. э. в иудейском мире, широко раскинутом по всей Передней Азии, Египту и Киренаике, поднимается волна восстаний, предводители которых идут под знаменем мессианизма. Все общественные организации и все религиозные направления, все секты, начиная от узконациональных, консервативных и кончая радикально-мистическими, охвачены ожиданием прихода великого царя-освободителя (по-арамейски «мешиха», в греческом произношении «мессия»; в греческом переводе «христос»), который одним рисуется в виде могучего национального героя, воздвигнутого богом для истребления сатанинской силы Рима, другим — в виде архангела или сына божия, ниспосланного с неба, чтобы совершить на земле суд божий и водворить царство святых.

Бурный период трех иудейских восстаний (66—135) закончился крушением политического мессианизма и усилением мессианизма мистического, одной из разновидностей которого было христианство. Мирные сектанты в начале движения частью были оттеснены, частью сами увлеклись революцией (на это есть определенные намеки в Евангелиях и в Деяниях апостольских). С подавлением восстаний мирное сектантство как бы очнулось от страшного сна, спохватилось от своего заблуждения: «не было в бурях восстаний Христа, было его искажение — Антихрист. Истинный Христос был раньше, мелькнул мимолетно, погиб страдальческой смертью, скоро вновь придет во славе вечной».

В их лагерь бежали спасшиеся от разгрома и преследований, разочарованные в революции; в национальном восстании; разбитые, смиренные, отчаявшиеся (вспомните обилие в ранних христианских общинах юродивых, восторженных идиотов, несвязно бормочущих пророков (глоссолоалистов), бесноватых, т. е. страдающих психическим расстройством).

Опять новый толчок к образованию оппозиции, к уходу от активности, к созерцанию, тем более, что за подавлением революции следует новое усиленное разоружение. Вместе с тем происходит и окончательный разрыв между консервативным националистическим иудейством и радикальным космополитическим сектантством, которое теперь, с 30-х и 40-х г. II в., можно называть христианством (сами сектанты зовутся «братьями» или

«учениками Христа»; учениками апостолов или просто «верующими», «уверовавшими»). В огромном количестве сектанты покидают родные места, уходят на запад, распространяются среди греко-римского мира (очень характерно, что главные послания апостола Павла адресованы к Римлянам и к Коринфянам).

Христианство; возникшее из иудейского сектантства; становится эллинистическо-римской религией. В этом этапе своего развития христианство не только по времени совпадает с филантропической политикой династии Антонинов, но и находится в тесной связи с реставрационно-религиозными течениями тогдашнего язычества. Оба направления — и в правящих, господствующих, и в оппозиционных кругах общества — представляют собой две стороны большого просветительного движения эпохи.

V. Honestiores — humiliores

Для того чтобы понять связь культурных явлений II в. н. э., необходимо начать с социального строения эпохи. Мы видели, что в I в. между властным Римом и затерянной в глуши оппозицией разверзалась бездна, не было промежуточных слоев и переходов. Во II в. социальная картина эпохи значительно изменяется. Старые римские сословия вымирают, их место заступает провинциальная аристократия.

В столицу приливает массой восточная иммиграция; какой красноречивый факт представляет собой появление в Риме в 30-х г. II в. целого ряда выдающихся гностических преподавателей: Маркиона из Понта, Басилида из Египта, Кердона из Сирии! Ведь эти лекторы, организаторы школ и церковных общин выступают открыто, авторитетно наряду с официальными и традиционными «языческими» учителями.

В новоевропейской науке до сих пор, сколько мне известно, не уделяли внимания социальной стороне новозаветных книг, вопросу о том, из каких общественных слоев вышли авторы Посланий и Евангелий и к какой публике они обращались. В новозаветных книгах не мало демократических черточек: Иисус — сын плотника назаретского, первые апостолы — простодушные рыбаки, в Нагорной проповеди комплименты нищим, притча о Лазаре обещают увечному бедняку прямой доступ в рай.

Все это звучит красиво и великодушно, но пишется и говорится в поучение богатым. Если «Лидахе» можно было назвать катехизисом мелких ремесленников, то евангелие от Луки заслуживает имени Домостроя богатых мытарей. А «Послание апостола Иакова», этот резкий памфлет против зазнавшихся богачей, как будто написанный каким-то проповедником кинической школы, разве не указывает на то, что в христианских общинах водворилась новая плутократия? Очень характерно также, что в послании апостола Павла к Филиппийцам отправитель письма просит передать поклон от находящихся в «доме Кесаря», т. е. при дворе.

Из всех этих примеров ясно, что новая религия, пришедшая с востока, захватила зажиточные слои. О Маркионе известно, что он был сыном богатого судовладельца в Синопе; Юстин и другие апологеты, поскольку они получили философское образование, несомненно, принадлежали к кругам, материально обеспеченным.

Несмотря на примирительную филантропическую политику правительства, несмотря на сближение общественных слоев, снижение аристократических классов и возвышение классов средних, все-таки остается неизгладимая черта, разделяющая господствующие верхи и оппозицион-

ные низы. Общество Римской империи сохраняет свой иерархический характер, титулы сиятельных, превосходительных и высокоблагородных сановников и чиновников, сохраняются привилегии и почет, коснется попрежнему презрение господ к труду, богатых к бедноте.

Остается разделение на «почитаемых» и «презираемых», «благородных» и «низкородных» — роковое, неустрашимое наследие рабовладельческого строя. Только что приведенные термины (по-латыни *honestiores* и *humiliores*) появляются в законодательстве, как обозначение двух сословных групп, различных по своему правовому положению: *honestiores* были свободны от пытки и от позорной казни распятия.

«*Humiliores*» не означало непременно «бедные», «неимущие»; в этой среде могли быть очень богатые люди, например вольноотпущенники, занимавшиеся торговлей и ростовщичеством, но к ней относились все те, кто был близок по занятиям или по рождению к рабству, а с вольноотпущенника никакое богатство не могло смыть пятна рабского происхождения.

Для образования церкви, резко отделенной от государства и языческого (т. е. великосветского) общества, деление на *honestiores* и *humiliores* имело огромное, можно сказать, решающее значение. Новозаветные книги с преувеличенным ударением отмечают принадлежность христиан к разряду *humiliores* (в евангелиях для них весьма прозрачная маскировка: они — смиренные мытари в противоположность чванным фарисеям, в которых символизирован разряд *honestiores*). В свою очередь для людей сенаторского или всаднического звания, как представителей высшей породы, вступать в состав христианских общин, принимать веру *humiliorum* было неприлично.

VI. Раскол рабовладельческого общества

Как ни сильна была связь возникающего христианства с социальной группой *humiliores*, однако образование церкви не предвещало реформы рабовладельческого общества. В окружении Христа и апостолов не видно вовсе рабов, к невольникам не обращено ни одного доброго, утешительного слова, напротив, в евангелиях преобладают притчи, благоприятные вкусам рабовладельцев, где с ударением говорится о необходимости самой суровой дисциплины в отношении рабов.

Образование христианской церкви, далекое от того, чтобы стать социальной реформой, было расколом в среде рабовладельческого общества. Отодвинутые от привилегированной службы, отверженные от пир жизни, ставшие смиренниками по принуждению, христиане возвели смирение и унижение в добродетель, но зато стали мстить уклонением от государственных повинностей, изъятием своих достатков и сбережений из ведения и распоряжения государства, посвящением себя внегосударственным, негражданским, «духовным» (т. е. внутриобщинным) целям.

В отколовшемся «божьем царстве» есть своя аристократия, своя администрация, свои финансы, своя интеллигенция. Руководители нового общества сеют вражду и ненависть к языческому, сатанинскому государству, но в то же время усердно подражают противнику во всем: в формах управления, в эпистолярном стиле, в применении литературных метафор. Евангелиям предшествуют, как видно из Апологии Юстина, «Воспоминания апостолов» (*Ἀπομνημονεύματα τῶν ἀποστόλων*). Кто не узнает в этом заголовке результат чтения Ксенофоновых *Memorabilia*, «Вос-

поминаний о Сократе»? Вместе с тем это литературное заимствование свидетельствует о том, что Христа представляли себе в это время, наподобие Сократа, основателем религиозно-философской школы.

Отмечу факт, еще более существенный, из области заимствований. Как возникла евангельская концепция изображения земного пребывания и страданий сына божия, воплотившегося в личности Иисуса Христа? Как решились авторы евангелий соединить «Воспоминания апостолов» с «Изречениями Христа» в эпико-драматический очерк; придавши ему форму биографии? В своем исследовании «Возникновение христианской литературы» я решился выставить такое объяснение: евангелия представляют продолжение того литературного жанра, который получил столь яркое выражение в *Βίοι παράλληλοι* Плутарха. Евангелисты пристально изучали Плутарха, работали по его методу, заимствовали у него множество сравнений, метафор, стилистических черточек. Можно выделить те биографии Плутарха, которые привлекли особое внимание евангелистов: это, с одной стороны—жизнеописания бого-человеков, Тесея и Ромула, а с другой—биографии социальных реформаторов-мучеников, страдальцев за свой народ—спартанских царей Агиса и Клеомена и римских трибунов Тиберия и Кая Гракхов; и опять здесь литературное заимствование одновременно обнаруживает оттенок эстетического вкуса и направление исторического воображения: евангелисты мыслили себе Иисуса Христа как самоотверженного проповедника, пострадавшего за свой народ, замученного злобой и ненавистью косных приверженцев старины. †

VII. Сближение греко-римской и восточной религиозной мысли

Новый Завет возник на греко-римской почве. В евангелиях очень мало иудейского, почти одни имена: Иисус Христос, апостолы (но и то *Πέτρος* и *πέτρᾱ*—каламбур, понятный только на греческом языке); фарисеи, Галилея, Понтий Пилат хотя взяты из иудейского писателя—Иосифа Флавия, но применены в условном, романическом духе, автор сам никогда не видел Палестины.

Евангелия и Послания, хотя и составляют произведения оппозиционной, враждебной империи литературы, но принадлежат целиком просветительному веку Римской империи. Сопоставим несколько имен: на одной стороне—Эпиктет-Арриан, Авл Геллий, Гай, Апулей, Марк Аврелий, Лукиан, Цельс; на другой—Маркион, псевдонимный апостол Павел, Юстин, псевдонимные евангелисты: Ириней, Афинагор, Татиан. Тот и другой ряд—современники и конкуренты, представители блестящего талантами пятидесятилетия от 130 до 180 года, эпохи правления Антонина Пия и Марка Аврелия.

На первый взгляд может казаться, что между идеологией языческих и христианских авторов нет ничего общего, что у них совсем разная публичка, с разными интересами и понятиями. Мы не должны, однако, исходить от условного традиционного деления общества на язычников и христиан. Эти термины взяты из полемики и дают лишь поверхностное определение партиям, составляют вывески в теологических пререканиях. В действительности в этой и другой среде много общих переживаний, одинаковых страхов, радостей и горя, забот и тревог, надежд и упований, чаяний и ожиданий.

Одна общая черта имеется во всяком случае в той и другой среде—сознание слабости, хилости живущих поколений, упадка энергии, физи-

ческой и умственной. Отсюда делается вывод; что недалек конец существования человечества. Но если так, то бесполезно строить широкие планы будущего, накапливать огромные запасы, делать сложные расчеты. С другой стороны, моралисты отмечают скучность, однообразие, низменность общественной жизни, мелочность, суетность, пустые дразги и свары, разъедающие благородные задатки человеческой природы.

Такова приблизительно была психика поколений, к которым обращались Плутарх; Эпиктет, Тацит; Ювенал, Дион Хрисостом. Но именно эти крупнейшие умы эпохи стремились преодолеть упадочность окружающего их общества, вдохнуть новые силы в истощенный его организм, внести движение в заглохшую среду.

В эту пору замиранию; социального и культурного, жил и действовал Плутарх; величайший из педагогов всех времен. Он собрал невероятный по размерам и разнообразию содержания исторический материал и организовал его в виде монументального строения «Параллельных жизнеописаний». Главная цель этой исторической энциклопедии—дать основу для морального воспитания ныне живущих и вновь вырастающих поколений на примерах доблести; мужества, честности; великодушия, самоотвержения; широты помыслов и глубины чувствования героев греко-римской старины.

Заботе о моральном возрождении общества посвящена лекторская и литературная деятельность стоиков, Эпиктета и его школы: избавить, спасти людей от одолевающих их страстей и похотей, от чванства, пошлости, корыстолюбия; от грязной порочности; внушить филантропию, побудить к взаимному сближению. Такие же задачи ставят себе авторы христианских Посланий. У них отличная от стоиков терминология: они называют пороки греховностью, а нравственное совершенство—святостью.

Есть сходство и различие в моральных принципах и правилах стоицизма и христианства. Бонхеффер написал замечательную по беспристрастию книгу под заглавием «Epiktet und das neue Testament». Он изложил самостоятельно и отдельно моральную философию стоиков и моральную теорию Посланий и Евангелий, а затем добросовестно отметил сходство и различие между той и другой системой понятий. От суждения о том, повлияли ли стоики на христиан или христиане на стоиков, автор отказался, предоставляя читателю самому сделать свое заключение. Но спрашивается, стоит ли ломать голову над вопросом о влияниях? Для нас ведь достаточно сравнения двух систем, как свидетельства того важного факта, что оба они принадлежат одному и тому же веку, одному и тому же культурному движению. Они не только современники, но и конкуренты, соперники. Есть аналогия в роли руководящих деятелей: как Арриан был популяризатором лекций Эпиктета, так распространителем учения псевдонимного апостола Павла был Маркион. В той и другой школе—забота о выработке совершенного человека; стоики называют идеальное состояние равновесием души; христиане—святостью.

Характерно расхождение между двумя школами в понимании свободы или связанности человеческой воли: у стоиков еще осталась вера в свободную инициативу личности, в способность свободного выбора поведения—точно традиция старой греческой предприимчивости и широких дерзаний эллинской нации; у христиан скорее появился наклон к фатализму, популярному вообще у семитических народов, выразившийся так отчетливо в учении о предопределении, возвещенном посланиями апостола Павла.

Без сомнения; на этой почве происходили оживленные споры между представителями стоической и христианской школы. Их не разделяла вовсе непреходимая черта. Юстин, воспитанный в греческой философии, пере-

шел в христианство, но сохранил недоверие к теории предестинации. Однако, автор, скрытый под псевдонимом апостола Павла, любит блеснуть своей философской выучкой: для того чтобы характеризовать три восходящие ступени проникновения верой или три типа иерархии верующих, он прибегает к платоновскому делению человечества на три породы: плотских (*σαρκικοί*) низменных, погруженных в животное существование, душевных (*ψυχικοί*), средних по степени укрепленности в вере, и духовных (*πνευματικοί*), обладающих высшим даром проникновения истиной. Для прославления этого высшего разряда людей у автора Посланий есть формула, звучащая гордым сознанием силы человеческого разума: духовный человек всех может судить, но не может быть судим никем.

VIII. Плутарх, демонология

Христианство, как религия новая, провозглашало решительный разрыв с прошлым; традиционные «языческие» религии, естественно, были консервативны. Однако нельзя видеть в языческом мире исключительно косность, застой, окаменение, относя к христианству целиком активность, новаторство, пылкость религиозной пропаганды. В античном греко-римском обществе еще до наплыва в центральные области восточных религиозных сект: малоазийских, сирийских, иудейских, египетских, наметилось сильное движение в пользу возрождения религии.

Развивается новая ученость—богоискательство, изыскания и построения в области религиозной философии, собирание и издание древних пророчеств; входят в моду богомолья к святым местам, археологи устремляют свои заботы на восстановление разрушенных или пришедших в упадок памятников религиозной старины. Павсаний совершает систематический объезд святынь Греции, обстоятельно и с чувством благоговения описывает храмы, алтари, священные дороги, холмы и пещеры, изваяния богов и героев, дает к этому материалу комментарий—теологический и исторический. Плутарх, исполненный не меньшего преклонения перед религиозной стариной, очень огорчен злоупотреблениями и пошлостью современных ему оракулов, но старается найти глубокий таинственный смысл в этом древнем учреждении; также оправдать хочет он и традиционную мифологию, сквозь ее грубо-чувственные очертания проникнуть до извечной религиозно-философской истины. Не довольствуясь кругом греческих сказаний, он обращается к мудрости Египта и составляет замечательный религиозно-философский очерк в связи с истолкованием мифа об Исиде и Осириде.

Трактат Плутарха любопытен сам по себе и представляет большой интерес по сравнению с возникающим христианством. Ведь здесь развивается сюжет о земной жизни божества, его страдании, смерти и воскресении. Нельзя не видеть, что Плутарх излагает свою тему, не имея ни малейшего представления о Христе; чуждый всякой христологии. Вот, если нужно; лишнее доказательство того; что Плутарх старше христианства, что христология Посланий и Евангелий более позднего происхождения, чем время деятельности греческого историка-моралиста (46—120 гг. н. э.). Я уже указал на оригинальность Плутарха в изображении богочеловеков и на подражание его литературным приемам в этой области со стороны евангелистов. Теперь, в заключение характеристики Плутарха как просветителя; я укажу еще на его учение о демонах, составляющих промежуточную сферу между миром богов и земной жизнью людей.

Вопрос этот разбирается в диалоге «Об оракулах». По поводу одного печального случая с Пифией, когда она вместо вдохновенного пророчества поддалась припадку эпилепсии и упала на землю в конвульсиях, автор старается устранить с поля зрения возможность какого-либо участия высших богов, которые должны в глазах верующих оставаться безгрешными и всеблагими в своем небесном величии. Ответственны в данном скандале осквернения дельфийской святыни демоны, существа промежуточные между небом и землей, наделенные качествами божественными и человеческими, непосредственно сносящиеся с людьми, тогда как богам принадлежит только общее высшее управление миром; среди демонов различаются добрые и злые, благодетельные, великодушные и греховные, преступные; в зависимости от характера их натуры действуют люди, находящиеся под внушением, вдохновением демонов или угнетаемые ими.

Необходимо обратить внимание на то, какую огромную роль играет в раннем христианстве вера в непрерывное всепроникающее участие демонов в жизни людей. Они носят в христианской литературе название духов (*πνεύματα*) и резко разделяются на добрых и злых (*πνεύματα ἄγια* и *πνεύματα πονηρά*): первым приписывается внушение пророчеств, вторым — болезни, злое наваждение, припадки безумия. Христос и апостолы заняты борьбой с бесами; истреблением их, исцелением людей от злой напасти; именем Христа потом изгоняют злых духов особые специалисты этой своеобразной психиатрии. Апологеты христианства, начиная с Юстина, приписывают внушению бесов как преследование христиан со стороны светской власти, так и уклонения верующих в ереси и лжеучения.

Можно сказать, что, сравнительно с Плутархом, у христиан демонология обратилась в демономанию. Нам надо удержать из этого сравнения фактическое сходство в одном очень важном пункте между язычеством и христианством, а также отметить хронологическую последовательность и преемство в развитии новой религиозной теории.

Теологи приучили нас видеть коренное расхождение христиан с язычниками по вопросу о едином боге или многих богах. Но «монотеизм» и «политеизм» — термины отвлеченные, пригодные преимущественно для богословских трактатов и катехизисов. В практической жизни верующих гораздо важнее, чем идея о высшем мироправителе начале, были отношения к более близким, благодетельным или вредоносным полубожественным существам — духам, ангелам и бесам. В этом смысле христиане в массе стояли на одной почве с язычниками. Господствующей системой веры рядовых обывателей была демонология. Делом писателей, проповедников, философов было приводить в порядок страхи и восторги, мрачные и радостные настроения, воспоминания и ожидания и водворять их группировки под сводами теоретических построений, которые, в свою очередь, примыкали то к старой консервативной греческой и римской теологии, то к новаторству, черпавшему свои идеи из иудейской, египетской, иранской и индийской философии.

IX. Гностицизм

Плутарх в своих религиозных исканиях стоит на пороге открывающегося просветительного века. Для него просвещать умы — задача совершенно иная, чем та, которую ставил себе за 150 лет до того Лукреций, считавший религию вредным предрассудком, источником бедствий для человечества (*tantum religio potuit suadere malorum*). Времена и нравы глубоко изменились. Исчез воинственный напор, славолубие и высоко-

мерие римлян, счастливая звезда их померкла; римская национальность растворилась в море покоренных народов, также утративших свою личность; мировоззрение покоренных народов заполонило умы; утешения, спасения от страхов и болезней—вот чего жаждали сердца.

В состязании на открытие всемирного спасителя все больше и больше брали верх мудрецы; прибывавшие с востока. Кличем эпохи, целью интеллигентных богоискателей становится $\gamma\upsilon\beta\omicron\varsigma$ —глубокое, проникновенное познание божественной истины. Гностицизму в его законченном виде предшествует его подготовка: в иудейском мире здесь более всего выдается александриец Филон; есть черты гносиса и у Иосифа Флавия, идеализирующего философию национальных героев—Моисея, Иисуса Навина, Давида и Соломона. Можно и в Плутархе признать своего рода предшественника гностицизма; поскольку он старается из старинной наивной и колдовской мифологии вывести элементы возвышенного богопознания. Из продолжателей плутархова гностицизма, которых было, без сомнения, не мало, мы знаем только одного Цельса, случайно уцелевшего в полемическом против него трактате Оригена.

И иудейских и греческих гностиков оттеснили в литературе и публичной проповеди более передовые, более смелые, как новаторы, малоазийцы, сирийцы, египтяне, иранцы. С появлением в Риме Маркиона из Синопя в литературном мире центра узнали о замечательном произведении малоазийского писателя, скрытого под псевдонимом апостола Павла. Послания апостола Павла дошли до нас лишь в весьма испорченном редакторами и цензорами виде. Это не помешало новейшим исследователям разглядеть в этом произведении характерные черты гностической теологии.

Просветительный век Римской империи разворачивается во всей силе с конца 30-х гг. II в. Во главе культурного движения идут два представителя высшей власти—императоры, которых еще современники прозвали—одного Благочестивым, другого Философом. Между ними есть сходство, есть и различие в направлении идей, а различие, пожалуй, больше, чем сходство. Антонин Пий хочет просвещать религией, подать утешение слабеющим умам и сердцам. Марк Аврелий ищет педагогических путей без религии; пытается воскресить мужество в самом внутреннем существе людей, поэтому его соратник в борьбе с предрассудками—атеист Лукиан.

С этими морально-философскими течениями, идущими сверху, соперничает пропаганда оппозиционных мыслителей, писателей и проповедников: современник Антонина Пия и своеобразный конкурент его—Юстин. Для Лукиана, сатирика и беспощадного отрицателя, христиане на первых порах служат попутчиками: они $\acute{\alpha}\theta\epsilon\iota\varsigma$ —поскольку отрицают богов, как создания первобытного дикарского мировоззрения, осужденные разумом и наукой; но в то же время они смешат его как педанты, медлители и схоласты со своим аппаратом священных книг, со своим упорством в догматах.

Детальное исследование культурных явлений просветительного века Римской империи—глубоко интересная задача для историка и для литературоведа. Моей целью было указать на связь фактов, которые по традиции постоянно разъединялись по двум якобы чуждым друг другу категориям—«язычества» и «христианства».

